

О.А.Михайлова

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СВЕТЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

Значение слова, как ни одна другая категория языка, являлось и является предметом постоянных дискуссий, ареной острой борьбы мнений, научных трактовок. Выяснению подлежат главным образом два вопроса: определение онтологического статуса лексического значения и структуры последнего, а также проблема функционирования слова в языке и речи, выявление всевозможных модификаций его семантики. Попытки решить эти вопросы обусловили появление различных подходов к лексическому значению и, как следствие, альтернативных научных парадигм. Преобладание какого-то одного подхода к языковому материалу характерно для определенных периодов, хотя границы этих подходов в концепциях и во времени очертить бывает не всегда легко.

В начале своего пути, в период господства логического и психологического направлений, семасиология опиралась на генетический подход к изучению лексического значения: исследователи занимались выявлением различных видов модификации семантики слова и их классификацией. На этом этапе значение исследовалось как целостное явление без проникновения в его структуру.

Обращение к вопросу о соотношении понятия и значения, трактовка значения как совокупности наиболее существенных и общеизвестных признаков понятия явились следствием структурного подхода к языку вообще и к слову в частности, пришедшего на смену логическому и психологическому направлениям. Возникновение структуральных методов связано со стремлением к более упорядоченному представлению наблюдаемых фактов в духе непротиворечивости, ясности и исчерпанности. Разработка проблемы структуризации лексического значения привела исследователей к выводу о том, что "дискретность является одним из обязательных свойств языкового значения, определяющих системный характер языка"¹.

Идея о лексическом значении как структуре в теоретическом плане была впервые высказана Л.Ельмслевым. Значения могут быть разложены на "фигуры плана содержания", не имеющие коррелятов в плане выражения². Это теоретическое положение явилось основой для создания методики компонентного анализа (перенесенного в лексическую семантику из фонологии, где анализ по дифференциальным признакам проводился в течение десятилетий), благодаря которой через понятие "компонент значения" была описана семантика многочисленных разрядов слов.

Первоначально анализировались относительно простые и закрытые системы, например термины родства, названия животных, цветообозначения. Позже принципы компонентного анализа были перенесены на более широкие слои лексики. И в настоящее время нет, наверное, ни одной области словаря, которая не была бы исследована с помощью этого метода.

Изучение лексики на основе компонентного анализа очертило круг так называемой *дифференциальной семасиологии*. Согласно основному положению этой концепции значение слова представляет собой элементарную структуру, т.е. в значение входят лишь некото-

¹ Васильев Л.М. Современные способы формального описания языковых единиц // Теория содержательной формы. Тамбов, 1981. С. 5.

² См.: Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

рые признаки из понятия, необходимые для отграничения одного предмета от другого. Так, Н.Г.Комлев пишет: “Значение содержит лишь минимум различительных черт”³. Данный минимум признаков определяется на основе оппозитивного метода, то есть число семантических компонентов определяется набором противопоставлений, в которых участвует слово. В результате выявившихся системных оппозиций создается дифференциальная модель значения слова. Ср. примеры, приводимые Ю.Д.Апресяном: *жеребец* = ‘лошадь + самец’; *кобыла* = ‘лошадь + самка’ и т.д.⁴. Дифференциальная модель лексического значения включает в себя некоторое количество дифференциальных признаков (иначе – семантических компонентов, семантических множителей, маркеров, фигур плана содержания, семантических примитивов, сем), существенных и необходимых для противопоставления одного значения другому. Несмотря на то что анализ такого рода является чисто языковым, без примесей логического, все же семантические компоненты коррелируют с признаками понятия, и это закономерно и вполне объективно – ведь понятие не только выделяет общее, но и расчленяет предметы, их свойства и отношения, классифицируя последние в соответствии с их различиями. Дифференциальный признак, или сема, в понимании лингвистов дифференциального направления, – это элементарный, далее не делимый структурный компонент семемы как дискретной единицы. Д.Н. Шмелев объясняет, что каждый семантический признак “потому и выделяется как существенный для данного значения, что обусловлен определенным парадигматическим противопоставлением слову какого-то другого слова или нескольких слов”⁵.

Главный вывод дифференциальной семасиологии можно свести к следующему: основная функция языкового значения – отграничение, а основное содержание этого значения – набор необходимых дифференциальных признаков, взятых из признаков понятия.

В 60-е годы традиционная теория дифференциальных семантических признаков была существенно дополнена концепцией интегральных признаков (Ю.А. Найда, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачев, Ю.С. Степанов, Д.Н. Шмелев), то есть таких семантических компонентов, по которым одно значение не противопоставляется никаким другим значениям в пределах определенного класса (группы). Интегральные признаки, заполняющие лексическое содержание слов, по мнению Ю.С. Степанова, «образуют “единичное”, “индивидуальное” в значениях слов и поэтому не могут быть сопоставлены с элементами означаемых других слов»⁶. О несопоставимых семантических “остатках”, которые сохраняются после вычленения дифференциальных сем, пишет О.Н. Трубачев⁷.

Несколько шире понимает интегральные семантические признаки Д.Н. Шмелев. К их числу он относит и все индивидуальные признаки в значениях денотативов, и общие элементы в значениях парадигматически противопоставленных слов. «Устанавливая парадигматические отношения между теми же словами *река*, *ручей*, *канал*, *озеро* и т.д., мы выделяем, естественно, в значениях этих слов не только дифференциальные элементы, но также и то общее, что их объединяет, а именно компонент “водоем”, который... должен рассматриваться здесь как нерасчлененный интегральный признак»⁸. С таким расширенным пониманием значения словосочетания “интегральный признак” трудно согласиться по той причине, что Д.Н. Шмелев наряду с дифференциальными и интегральными признаками выделяет категориальные семантические признаки, которые содержатся в общих значениях, не разложимых на дифференциальные признаки из-за преобладания сигнификативной функции слова (у слов типа *вещество*, *существовать*), и по которым весь словарный состав языка может быть разбит на определенные классы. В соответствии с таким определением логично

³ Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969. С. 75.

⁴ Апресян Ю.Д. Избр. тр. Т. 1. Лексическая семантика. М., 1995. С. 7.

⁵ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 108.

⁶ Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиотика // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 269.

⁷ См.: Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопр. языкознания. 1980. № 3.

⁸ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. С. 154.

отнести интегральные элементы в значениях парадигматически противопоставленных слов к числу категориальных, потому что по ним также устанавливаются лексические группировки, хотя и меньшего объема.

Интегральные и дифференциальные семы как существенные признаки значений соответствуют признакам, формирующим понятие о данном предмете. Эти признаки фиксируются в словарных толкованиях номинативных единиц. По сути дифференциальные признаки выполняют метаязыковую функцию описания значения слова, но в лингвистике не существует единого мнения об их количестве и списочном составе, хотя признается бесспорным факт, что число этих признаков невелико.

Описание языкового системного значения предлагается в современных словарях, основанных на принципах дифференциальной семасиологии, главным из которых является предложенный Е. Бендиксом “принцип минимального толкования”. Основное требование этого принципа состоит в том, чтобы в семантическое описание каждой лексической единицы включались те и только те признаки, которые отличают ее от всех остальных лексических единиц данного языка. Результатом этого принципа должна явиться минимальная, полностью сконструированная сеть, которая более всего отвечает идеалу структурной лингвистики.

Аналогичное требование к лексикографическому представлению семантики слова выдвигал в своих ранних работах Ю.Д. Апресян: “Толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым в конечном счете сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений – слов семантического языка”, “должны быть перечислены все семантические компоненты А и только они, определение должно быть точной синонимической перифразой определяемого”. Ю.Д. Апресяном, А.К. Жолковским и И.А. Мельчуком был разработан “семантический язык”, “словами” которого являются элементарные семантические признаки, или семантические множители, типа *точка, часть/целое, время, множество, действие, субъект, вещь, каузировать, иметь, знать, переставать, начинать, не* и т.п. Комбинации этих семантических множителей соответствуют сложным лексическим значениям слов естественного языка.

Интерес представляет семантический язык (*lingua mentalis*), разработанный А. Вежбицкой, который, по сути, есть сужение естественного языка, в то время как вышеупомянутые авторы стремились построить семантический язык как расширение логического языка предикатов. *Lingua mentalis* А. Вежбицкой включает “семантические примитивы” – “такие концепты, которые служат кирпичиками для построения всего остального”⁹. Первый пробный перечень элементарных понятий, предложенный А. Вежбицкой, содержал 14 элементов. Затем в течение многих лет расширялась эмпирическая основа исследования и продолжался теоретический анализ, в результате чего первоначальный список примитивов был пересмотрен и расширен на основе следующих независимых критериев – объяснительной силы (роль, которую играет данное понятие в толковании других понятий) и универсальности (множество языков, в которых данное понятие лексикализировано). Последний известный нам список включает следующие примитивы: “субстантивы” *я, ты, кто-то, что-то, люди*; “детерминаторы и квантификаторы” *этот, тот же самый, другой, один, два, много, все/весь*; “ментальные предикаты” *думать (о), говорить, знать (о), чувствовать, хотеть*; “действия и события” *делать, происходить/случаться*; “оценки” *хороший/плохой*; “декрипторы” *большой, маленький*; “время и место” *когда, где, после/до, под/над*; “метапредикаты” *не/нет/отрицание, потому что/из-за, если, мочь*; “интенсификатор” *очень*; “таксономия и партономия” *вид/разновидность, часть*; “нестрогость/прототип” *подобный/как*¹¹.

Но слово может иметь смысл, требующий исключительно богатого и детального описания, не сводимого к элементарной модели. В этом случае различается центральное значе-

⁹ Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. С. 95.

¹⁰ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 329.

¹¹ См.: Там же. С. 331.

ние и периферия (М. Бирвиш, Ф. Кифер, Ч.Дж. Филлмор), не связанная со структурой как таковой. С точки зрения принципа минимального толкования периферию нельзя включить в словарь. Подобное “редукционистское” (Ю.Д. Апресян) описание языковых значений ведет в тому, что толкование приобретает статус определения формального объекта, каким смысл слова не является. Единицы семантического языка не предназначены отразить неопределенность слова, напротив, они имеют прямо противоположную цель. Такие жесткие дискретные толкования разрушают восприятие носителем языка общности слова.

Словари, созданные на основе структуризации значения с помощью семантического метаязыка, предназначаются для лингвистов, тогда как традиционные толковые словари, на что указывал еще Л.В. Щерба, в первую очередь предназначаются для носителей данного языка¹². Ср. по этому поводу замечание А.Рей и С.Делесаль о том, что объектом толкового словаря могут выступать две разные реальности, что влечет за собой два возможных типа описания. “Не следует смешивать лексический компонент лингвистической модели, то есть элемент системы, которую можно описать с помощью строгих правил (морфологических и морфо-семантических), и лексику в употреблении – объект социальный, исторический и культурный”¹³.

Структурные определения значений хорошо представляют соотношение в паре “лексикография и система языка”, так как они фиксируют набор семантических признаков как некий инвариант – идеализированную когнитивную модель. Но такие определения совершенно непригодны для решения проблемы “словарь и человек”. Ю.Н. Караулов подчеркивает, что “семантические компоненты, их набор и толкование не должны переходить грань восприятия среднего носителя языка, так как в противном случае утрачивается сама цель данного описания, ориентированного прежде всего на человека – носителя языка и пользователя языком”¹⁴.

Поэтому семантизация значения в границах структурного подхода не может удовлетворить современную лингвистику, в том числе лексикологию, семасиологию и теорию лексикографии, которые сменили свои научные приоритеты, выдвинув на первый план человека и провозгласив актуальность антропологического (антропоцентрического) подхода (Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, В.И. Поставалова, В.В. Морковкин и др.).

Дифференциальный подход сыграл большую положительную роль в развитии семасиологии, поскольку позволил выявить семантические элементы значения. Тем не менее указанный подход обнаружил свою ограниченность на современном этапе развития семасиологии, когда произошла смена научной парадигмы и на первый план выдвинулись коммуникативные задачи. Дело в том, что, несмотря на внутреннюю системность и упорядоченность, структурная лингвистика имела слабую связь с реальностью и практической речевой деятельностью. Назначение этих теоретических конструкций приобретало самодовольный характер, поэтому вполне закономерен поворот к изучению реальных условий функционирования языка, произошедший в 60–70-х годах. Обращение к реально функционирующему значению было органическим развитием отражательной концепции, которая предопределила изучение семантики слова по двум линиям: аналитической и функциональной. Впервые на необходимость исследовать значение в двух направлениях – аналитическом и операционном – указал Ст. Ульман. Различие между этими направлениями заключается в том, что при аналитическом подходе значение раскладывается на “конечные составляющие” – дифференциальная семасиология, в то время как операционная (функциональная) линия предполагает изучение значения в действии, в процессе его использования¹⁵. И в этом случае объяснительной силы дифференциальной семасиологии оказалось недостаточ-

¹² См.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

¹³ Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. С. 264.

¹⁴ Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 183.

¹⁵ Ульман. Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике. М., 1962.

но, так как действующее значение проявило себя значительно полнее и богаче, чем набор выделенных в нем дифференциальных признаков.

В рамках дифференциальной семасиологии некоторыми лингвистами высказывались мнения о необходимости выделения в лексическом значении сем, обозначающих побочные характеристики объекта и не находящихся места в дифференциальной модели значения. Это ассоциативные признаки (Д.Н. Шмелев), или потенциальные семы (В.Г. Гак, Э.В. Кузнецова). “Наряду с дифференциальными и интегральными должны быть выделены ассоциативные, или репрезентативные, признаки, связанные с *представлением* о самом обозначаемом предмете или явлении”¹⁶. Потенциальные семантические компоненты значения (в другой терминологии – факультативные семы, семантическая аура, обертоны смысла) отражают реальные свойства данного предмета или же свойства, приписываемые ему в данном языковом коллективе.

Пермские исследователи¹⁷ предложили социолингвистическое описание семантики слова, при котором “учитывается социальная обусловленность значения слов данного конкретного языка”; “социолингвистический подход к изучению семантики слова позволяет говорить о более богатом внутреннем содержании слова, чем оно обычно описывается в лексикологии. Здесь – как о компонентах содержательной структуры слова – можно говорить о бытовом понятии, наглядно-чувственном образе, эмоциональной и экспрессивной окрашенности, эмоциональном ореоле, вызываемых словом картинах-ассоциациях”¹⁸.

По-настоящему адекватной для коммуникативных исследований явилась интегральная концепция значения (М.В. Никитин, И.А. Стернин, Д. Болинджер). Термин *интегральный* вновь наделяется смыслом, приписанным ему Д.Н. Шмелевым. Интегральная концепция значения – это “всеохватывающая” концепция, это расширительный подход к значению. С точки зрения интегрального подхода семантика слова обладает значительной избыточностью, т.е. охватывает широкий круг более или менее существенных признаков, проявляющихся у предмета в разных ситуациях. Эти признаки не важны для противопоставления значений, они структурно не значимы, но в значительной степени релевантны для коммуникации, поскольку именно они во множестве случаев регулируют правильность употребления слова. Как пишет Г.Н. Складеревская, при интегральном понимании лексическое значение предстает как бесконечно сложная структура, включающая в себя «не только понятийное содержание, но и весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных, как будто бы априорных представлений и всех “добавочных смыслов”, называемых коннотациями”¹⁹.

Вследствие такой посылки И.А. Стернин приходит к выводу о нелимитируемости значения слова, о невозможности четко определить его границы и исчерпывающе исчислить образующие его семантические компоненты, объясняя этот феномен рядом причин: нечеткой дифференциацией многих объектов внешнего мира, постоянным изменением самой отражаемой в значении действительности, углублением понятия о предметах и выявлением новых сторон, новых взаимоотношений понятий, приблизительностью самого отражения действительности в сознании человека, различиями в познании одного и того же предмета разными людьми²⁰. Другими словами, если мы выделили, например, в слове *мужчина* семы ‘человек’, ‘взрослый’, ‘мужской пол’, мы не вправе считать, что описали его значение. Мы выделили только семантическое ядро, понятийные компоненты, но это семантическое ядро

¹⁶ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. С. 277.

¹⁷ См., например: Грузберг Л.А. К социолингвистическому описанию семантики слова // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 114–120.

¹⁸ Там же. С. 119.

¹⁹ Складеревская Г.Н. Реальный и ирреальный мир в толковом словаре: (К вопросу о прагматическом компоненте слова). // Семантика и коммуникация. Вып. 4. СПб., 1996. С. 70.

²⁰ См.: Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 19–21.

окружено множеством других семантических признаков: 'мужество', 'деловитость', 'сила' и др., не менее существенных для носителя языка.

Из признания нелимитируемости значения логически следует вывод, что лексическое значение шире наивного понятия, так как практически каждое слово окружено множеством ассоциаций, устойчивых, общенациональных и случайных, индивидуальных. Подобные различия между значением и понятием отмечал В.А. Звегинцев: "Это различные явления, и они обладают различными качествами, важнейшее из которых заключается в том, что значения есть национальные категории, а понятия – вненациональные"²¹.

Л.А. Грузберг, например, перечисляет признаки слова *вечер*, выявленные в результате опроса информантов. В содержание слова, пишет она, входят "природные" признаки, соотносимые с признаками понятия: 'заход солнца', 'наступление темноты', 'появление первых звезд' и пр., а также "человеческие" признаки типа 'время активного отдыха', 'ты наконец-то в кругу семьи', 'можно посмотреть телевизор', 'когда я могу взять в руки книгу', 'время свиданий' и под.²², которые составляют непонятийный компонент, создают лексический фон, но, по мнению сторонников интегрального подхода, являются составными признаками семемы.

Приоритет в разграничении понятийного и непонятийного компонентов семемы принадлежит Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову, которые со всей определенностью заявили, что "семантика слова лексическим понятием не исчерпывается"²³. Авторы развивают континентскую, или рационалистическую, теорию языка. Суть концепции сводится к наделению слова кумулятивной функцией, вследствие которой слово способно накапливать и включать в себе разнообразную информацию, не связанную только с отраженным в нем понятием. Поэтому в значении выделяются понятийные семантические доли (СД) и непонятийные СД, или лексический фон. "Лексический фон – это те (взятые вместе) непонятийные СД, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека"²⁴. Однако авторы сами признают неудачность подобного определения, где одно неизвестное (лексический фон) определяется через другое (непонятийные семантические доли). Из этого определения остается неясным, какая часть семантики слова представляет понятие, а какая – непонятийный компонент. В то же время авторы говорят о возможности объективировать лексический фон, причем разными способами, среди которых главное место, по мнению исследователей, принадлежит работе с информантами (опрос и эксперимент) и изучению лексикографических источников. Но в толковых словарях информацию, относящуюся к лексическому фону, можно извлечь, считают ученые, из иллюстративной части и из показа сочетаемости заголовочного слова, тогда как собственно толковательная часть отражает лишь лексическое понятие.

Для глубокого и всестороннего изучения лексической системы языка, особенно его функционирования, интегральный подход является, безусловно, плодотворным. Он позволяет демонстрировать, что "слово в речи, закрепленной текстом, это не только и, пожалуй, не столько минимальная степень лингвистической абстракции, сколько качественно иное его состояние, вызывающее особое восприятие"²⁵. При этом исследователи обращаются к актуализации значения в речевом употреблении, к речевой семантике, которая отличается бесконечной глубиной и многообразием.

При интегральном подходе к значению возникает серьезная проблема с лексикографическим описанием нелимитируемого значения, содержащего неисчислимо количество признаков. И.А. Стернин оптимистически замечает: "Нелимитируемость значения не свидетельствует о невозможности описания значения, а лишь ставит вопрос о различных уровнях

²¹ Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. С. 62.

²² Грузберг Л.А. К социолингвистическому описанию семантики слова. С. 117.

²³ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. С. 25.

²⁴ Там же. С. 26.

²⁵ См.: Степанова В.В. Границы слова в тексте // Проблемы лексико-синтаксической координации. Л., 1985. С. 109.

глубины и адекватности его описания. Каждый такой уровень будет обусловлен практическими задачами описания. К примеру, разные словари будут требовать разной глубины и объема описания значения и, соответственно, будут различаться по степени адекватности полученного описания реальному значению²⁶. И хотя исследователь призывает к тому, что “определение значения должно отразить это разнообразие признаков, так как все они в широком смысле отражают практику, действительность”²⁷, практически не представляется возможным осуществить эту задачу, оставаясь на позициях интегральной семасиологии. Лексикографы не могут и не должны ставить перед собой задачу зафиксировать все “обертоны смысла”, передаваемые словом во всем многообразии речевых употреблений. В толковых словарях должно описываться общеязыковое, или системное, значение, то единообразное для всех носителей языка содержание, которое сохраняет тождество слова и обеспечивает процесс коммуникации.

Таким образом, структура лексического значения в современных лингвистических теориях трактуется по-разному в зависимости от уровня анализа и от позиции исследователя: 1) обобщенно, как бесструктурное образование; 2) как элементарная структура; 3) как бесконечно сложная и избыточная структура.

Полностью признавая положение лингвистов о “размытости” значения слова, о богатстве его содержания, вскрываемом во множестве употреблений, мы тем не менее считаем необходимым разграничивать языковое и речевое в лексической семантике и выделять языковое, системное значение, которое должно включать исчислимое количество семантических множителей. Против предельного расширения границ лексического значения высказываются также Л.М. Васильев и А.Й. Гудавичюс²⁸.

Аналитический взгляд на словарную статью современных толковых словарей русского языка позволил выделить в толковательной части различные фрагменты. Помимо основного фрагмента, фиксирующего признаки значения, соотносимые с признаками понятия (сигнификативный компонент), во многих дефинициях присутствует дополнительный фрагмент, семантизирующий признаки, которые нельзя включить в понятие. Например, лексическое значение слова *бархат* представлено в толковых словарях следующим образом: “ткань (обычно шелковая) с густым мягким ворсом на лицевой стороне”. Два признака: 1) ткань, 2) имеющая густой мягкий ворс на лицевой стороне – входят в содержание понятия “бархат”, но лексическое значение, зафиксированное в словаре, “больше” понятия на одну величину – на признак “обычно шелковая”. Названное свойство встречается не у всех представителей данного класса (бархат бывает и на хлопчатобумажной основе), следовательно, семантический конкретизатор с вероятностным маркером *обычно* не может быть осознан как обобщенный признак понятия.

Лексическое значение слова *анаконда* представлено в словаре таким образом: “самая крупная змея семейства удавов (водится в Бразилии и Гвиане)”. Помимо семантических признаков, совпадающих с классификационными признаками понятия: 1) змея, 2) семейства удавов, 3) самая крупная, – в лексическое значение входит признак “место обитания этого пресмыкающегося”. Этот признак не принадлежит понятию, потому что не является классифицирующим, но он, конечно, является важным для носителя языка.

Итак, словарные толкования содержат особые фрагменты, отражающие неинвариантные признаки, которые нельзя приписать понятию именно по причине их неуниверсальности, ограниченности. На наш взгляд, эти компоненты отражают наши знания о мире и связаны с представлением о данном предмете, действии, явлении в коллективном языковом

²⁶ Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. С. 19.

²⁷ Там же. С. 15.

²⁸ См.: Васильев Л.М. Форма и содержание языка как языковой системы // Вестн. Вост. ин-та экономики, гуманитар. наук, упр. и права. № 3. Педагогика. Уфа, 1996; Гудавичюс А.Й. Принципы построения и содержание сопоставительной семасиологии: (На материале русского и литовского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989.

сознании. Они отражают конкретные, чувственно осознаваемые, реально присутствующие в психике типичного представителя языкового коллектива признаки предмета или явления, хотя эти признаки и не являются обязательными для всего класса денотатов или ситуаций. Безусловно, представление любого человека о конкретном предмете или ситуации, называемых словом, индивидуально, но в этом индивидуальном представлении есть часть, общая для всех говорящих, т.е. и представление в известной степени выполняет функцию обобщения и, следовательно, его отражение может быть составной частью лексического значения.

Значение слова для наивного носителя языка – это не набор дискретных семантических признаков, а то, что он имеет в виду или держит в голове, когда употребляет соответствующее слово. То, что имеет в виду человек, должно соответствовать тому, что закреплено в коллективном языковом сознании. Другими словами, существует определенный прототип предмета, явления, ситуации, существенные и обязательные черты которого известны языковому обществу. Понятие “прототип” подробно разработано в зарубежных исследованиях²⁹. Термин *прототип* употребляется в противоположность термину *инвариант* для обозначения “неустойчивого набора семантических компонентов”, характеризующего “размытость” понятий естественного языка. Прототипная модель значения “допускает вариативность и возможность неполного удовлетворения... заданных в прототипе критериев”³⁰. Если инвариант включает компоненты, которые абсолютно необходимы и достаточны для адекватного толкования какого-либо понятия, то в прототип входят несущественные характеризующие компоненты. А. Вежбицкая приводит такой пример: “китайская чашка, маленькая, изящная, с тонкими стенками, без ручки и без блюдца, все-таки может считаться чашкой – пока из нее можно пить чай, в соответствующем окружении (на столе), пока ее можно поднести ко рту одной рукой. Это означает, что при том, что блюдце и ручка определенно входят в прототип чашки (“идеальная” чашка ДОЛЖНА (выделено автором. – О.М.) иметь ручку и блюдце), они не являются существенными элементами этого понятия. В то время как компоненты ‘изготовленная для питья горячих жидкостей’ и ‘настолько маленькая, чтобы человек мог поднести ее ко рту одной рукой’ с необходимостью включаются в это понятие”³¹.

Прототипическое значение – это целостное явление, которое может быть определено содержательно, разложено на составные части и описано как совокупность признаков, ментально и практически значимых для данного языкового коллектива. В прототипическом значении общее значение слова-знака объединяется с индивидуализированным представлением объекта, ставшим частью слова, ибо только в их единстве создается целостность, которой оперирует обыденное сознание. Другими словами, прототипная модель значения включает признаки наивного понятия (сигнификативная часть семемы) и признаки, связанные с представлением о стандартном образце объекта, признака или ситуации. “Двуслойное” значение, представленное прототипной моделью, признается нами языковым значением.

Современные толковые словари, хотя и не вполне последовательно, фиксируют, как нам кажется, именно прототипическое значение, так как они реализуют антропоморфный принцип организации материала и предназначены отразить то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка. Этим объясняется наличие в словарной дефиниции не только фрагмента, семантизирующего признаки понятия, но также и другого фрагмента, отражающего “прототипические признаки” денотата. С помощью этого особого фрагмента ограничивается, вычленяется языковое значение из того предельно неопределенного множества семантических признаков, которые включаются в лексическое

²⁹ См., например: Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14; Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание.

³⁰ См.: Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре. С. 30–31.

³¹ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. С. 217.

значение сторонниками интегрального подхода. В соответствии с выполняемой функцией – функцией ограничения языкового значения – назовем эту часть семемы компонентом-ограничителем (К-О).

К-О – это такая часть семемы, которая обращена в реальный мир и определяет место предмета или явления в сфере предметно-логических отношений, а также в национальной культуре соответствующей эпохи. Например: *мотыль* ‘личинка комара-дергуна, живущая в иле’ – сигнификативный компонент, ‘используется как приманка при ловле рыбы на удочку и как корм для рыб в аквариумах’ – К-О. *Веер* ‘небольшое ручное опахало, в развернутом виде имеющее форму полукруга’ – сигнификативный компонент, ‘обычно складное’ – К-О. *Буря* ‘сильный зимний ветер, поднимающий массу сухого снега’ – сигнификативный компонент, ‘обычно в степи, на открытых местах’ – К-О. *Вобла* ‘мелкая промысловая рыба семейства карповых’ – сигнификативный компонент, ‘употребляется в пищу главным образом в копченом и вяленом виде’ – К-О. *Кольцо* ‘предмет, имеющий форму обода’ – сигнификативный компонент, ‘чаще всего из металла’ – К-О.

К-О присутствуют в семемах не только предметных, но также и признаковых имен (выделены жирным шрифтом): *облетать* ‘испытать в пробном полете (самолет, дирижабль)’; *взмутить* ‘взбалтывая, сделать мутным (воду, жидкость)’; *науськать* ‘натравить (собаку)’; *подскакать* ‘приблизиться вскачь к кому-, чему-л. (о лошади, а также о всаднике)’; *жуужжать* ‘производить однообразно дребезжащий звук крыльями при полете (о насекомых)’; *пенься* ‘приготовляться для еды сухим нагреванием на жару (о пище)’; *вянуть* ‘лишаться свежести (о растениях)’; *обуять* ‘охватить (о чувствах)’; *пикировать* ‘снижаться на большой скорости в почти вертикальном положении (о самолете)’; *беззвездный* ‘с невидимыми звездами (о ночи, о ночном небе)’; *восковой* ‘бледно-желтый, мертвенно-бледный (о цвете кожи)’ и под.

К-О входят в значение предметных и признаковых имен, но различаются по своему конкретному содержанию, и это различие обусловлено особенностями мышления. Лингвокреативное мышление, отражая окружающую человека действительность, связи и отношения между предметами, фиксирует эти связи во взаимной отражательной настроенности друг на друга предметных и признаковых имен. Поэтому в семемах существительных К-О отражают разнообразные признаки именуемого объекта, а в семемах глаголов очерчивают область референтной приложимости действия/состояния и в силу своей природы указывают на конкретный тип субъекта – источник производимого действия /состояния либо объекта – предмет материального или идеального мира.

Таким образом, К-О – это семантические признаки, лимитирующие частные проявления какого-либо свойства предмета, номинативную приложимость признака или ситуативную сферу существования денотата. К-О – это такой пучок информации, принадлежащий значению номинативных единиц, который содержит в себе денотативный “диктум” значения, сообщение о мире. Это экстралингвистические сведения об объекте и его свойствах, без знания которых невозможно осуществить правильный выбор языковых единиц или выбор правильной операции с языковой единицей. К-О предопределяют возможность выбора, ограничивая его в большей или меньшей степени.

Наше понимание значения не укладывается в рамки дифференциального подхода, оказываясь более широким, поскольку предполагает включение в значение не только структурно релевантных признаков, выделенных в результате оппозиций и соотносимых с признаками формального понятия (сигнификативный компонент), но также и признаков, основанных на типовом представлении об объекте, явлении или ситуации (компонент-ограничитель). Вместе с тем подобный подход к значению является более узким, чем интегральный, так как ограничивает значение слова рамками системы, оставляя за этими пределами все собственно речевые употребления. Назовем такой подход *системно-интегральным*. Системно-интегральный подход совмещает в себе принципы структурной и антропоцентрической лингвистики, ибо не только обращается к языку, рассматриваемому в

самом себе и для себя, но и учитывает “человеческий фактор”, то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка.

Системно-интегральный подход не разрушает основ дифференциальной семасиологии, ибо опирается на положение о дискретности семантики слова и о наличии в семеме интегральных и дифференциальных признаков, соотносимых с объектом и содержанием понятия. И одновременно названный подход не противоречит идее о “размытом” характере значения, поскольку К–О не представляет жестко детерминированной структуры и способен изменяться/модифицироваться в процессе познания.